

ИСТОРИИ ПОПАДАНЦЕВ

АНАТОЛИЙ ПУШКАРЁВ

СТАТУЯ
КАК
ПРОЦЕСС

Истории попаданцев

Анатолий Пушкарёв

Статуя как процесс

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Пушкарёв А.

Статуя как процесс / А. Пушкарёв — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Истории попаданцев)

Творчество, искусство и, шире, - культура и цивилизация - не являются абсолютно благодатными явлениями, а часто могут нести опасность для человеческой жизни. Персонаж может выйти из-под воли автора и стать автономной материальной сущностью. В романе «Статуя как процесс» описано такое актуальное, но малоизученное явление, как художественное насилие, закрепощение современного человека всевозможными текстами и жанрами.

© Пушкарёв А.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Глава 1. Издержки словесного творчества	5
Глава 2. Пробуждение, жизнь, свобода	9
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Анатолий Пушкарёв

Статуя как процесс

Глава 1. Издержки словесного творчества

Фёдор Львович, весьма пожилой человек, но крепкого здоровья и телосложения, похожий на Санта Клауса, имел редкое сочетание благообразного вида и пронзительного, несколько злого и реалистичного взгляда. Он всегда считал, что жилище писателя и предметы, его окружающие, должны нести в себе дух и отпечаток ушедшей эпохи классической литературы.

В его квартире на фоне книжных шкафов и стеллажей с книгами, на особых полках и подставках были расставлены бюстики, статуэтки, забавные безделушки, вазы и пальма в кадучке. На стене – два портрета – Достоевского и Толстого, а между ними – большой плакат с крупными буквами алфавита – от А до Я и цифрами – от 1 до 10. В одном углу на стене висел самурайский меч, а ниже, на специальной тумбе, пребывал гипсовый бюст В.Г.Белинского с синим шарфом на шее. Стол писателя – красивой старинной работы, из орехового дерева с кипой белоснежной бумаги формата А4, портретом покойной жены и здравствующей внучки.

Но и от уверенной поступи прогресса Фёдор Львович бежать не собирался. В контраст с классическим интерьером писательского кабинета, другой угол комнаты был оборудован современной оргтехникoй и мебелью. Системный блок тихо шелестел кулерами, умно и уютно мигал разноцветными шпалами, мягко светился широкий плоский монитор, в специальных отделениях покоились всегда готовые к услугам принтер и ксерокс.

За компьютером сидела Юлия, внучка писателя, двадцати пяти лет, миловидной наружности и быстро набирала текст. Бойко поплясав пальцами на клавиатуре, она изящно ткнула наманикюренным пальцем в какую-то клавишу, и из чрева принтера с урчанием вылез на свет божий очередной лист с ровными строками чёрного текста по белоснежному полю.

Рука писателя, в свою очередь, красивой ручкой, украшенной синими кристаллами, и красивым подчерком дописала художественный текст. Поставила точку. С минуту рука неподвижно лежала на столе (пишущий хмурo созерцал текст, исправления, зачёркивания, обведённые слова в нём). Затем решительно перечеркнула всё написанное большой, на весь лист, буквой «Х».

Фёдор Львович поднял голову, откинулся на спинку кресла, что-то тихо, но крайне раздражённо, ворча про себя.

– Всё! Моё терпение не безгранично! – наконец громко произнёс он, – Это не герой, а бунтарь какой-то, упрямец неисправимый!

– В чём дело, дедуля?

– Да, вот..., – недовольно пояснил дед, показывая ладонью на рукопись, – В первый раз со мною такие...м-м-м... чудеса: думаю написать одно, а пишется совсем другое. Написал, возвращаюсь, эпизоды куда-то исчезли... Чертовщина! Вчера вот, только собрался написать прекрасную сцену его первого поцелуя с Жанной, – только первое слово написал, – пальцы свело, рука занемела, не могу ручку держать... Этот Егор с самого начала не заладился.

– Это всё случайности, – примирительно ответила Юлия.

– ...Которые превратились в закономерность, – продолжил писатель, – Нет, Юленька, я решительно вычёркиваю его из героев. Заменю более покладистым. Материала вот только жалко, столько трудов потрачено на этого распи... Кхм... Я душу в него вложил, а в ответ – чёрная неблагодарность. Первый раз со мною такое. Дожился: не могу совладать с персонажем... Я всегда был писателем-реалистом!

– Дед, ну что ты такое говоришь?! – внучка быстро повернулась на винте, – Ни в коем случае! Лучшего героя, чем он, у тебя ещё не было. Да и во всей литературе, может быть. Он живой, душевный, глубокий... А какой характер! Я, когда набираю, так и вижу его живого. Он даже как бы и не написанный, а объёмный, телесный, что ли. Откуда ты его взял?

– Один раз в магазине увидел этого парня. Внешность привлекла. Вроде ничего необычного, примечательного, а взгляд притягивает. Ну, а потом, как обычно, вообразил, додумал... Да, надо признать, персонаж получился удачным, но крайне непослушным, плохо управляемым. Герой не может перечить автору – назидательно, с паузами между словами, произнёс писатель, – Он даже говорит не как я задумал, а что-то своё пытается сказать, зараза! Откуда только у него,... то есть у меня, берутся такие слова. Подозрительный, пытливый. Хочу написать фразу, а она сама собою разрастается в целый монолог, не удержишь. Ой, не нравится мне всё это.

– И всё-таки я настаиваю, дед, чтобы ты его дописал, – сказала Юля, – Честно скажу, пока ты писал, а я набирала, я по-настоящему влюбилась в него, именно как в живого человека. Он должен остаться, а ты писать его дальше! Он и читателю понравится. Необычный какой-то.

– Всё равно он не стоит таких усилий и таких нервов. Может, он такой упрямец из-за имени? Егор... Что-то грубое, гордое, рычащее... Переименовать его в Серёжу, или в Володю? Эдик? Или всё-таки вообще убрать?

Юля умоляюще посмотрела на Фёдора Львовича:

– Дед, пусть он будет и останется именно Егором. Ради продолжения я бы даже вышла за него замуж и своей любовью и лаской убедила бы его сделать всё правильно, по сюжету, по замыслу, образумила бы, – проникновенно сказала она, – Лишь бы он остался и жил счастливо, пусть и с Жанной. В самом деле, не студенту же быть главным... Вечно в наушниках и в проводах ходит. Он с Жанной-то справиться не может, купит ей цветы там, пирожное, обольстить как следует...

– Замуж... Скажешь тоже, – усмехнулся писатель, но тут же нахмурился и задумался.

После некоторой паузы, он вдруг серьёзно и неподвижно уставился на внучку водянисто-голубым и беспощадно реалистическим взглядом без тени каких-либо эмоций.

– Впрочем... Замуж, замуж... Хорошо. Будем писать дальше. Как ты хочешь, – через минуту произнёс он.

– Вот и славно. Я на всё согласна, – подтвердила Юля.

* * *

На веранде загородного дома Фёдора Львовича, удобно расположившись на цветастых креслах, вели разговор представители творческой интеллигенции города: сам хозяин – писатель, режиссёр Фелиний Германович, с тяжёлым взглядом карих глаз, художавый и экзотичный, похожий на вегетарианца или сотрудника страшно засекреченных спецслужб и скульптор Родион Эргонович, крепкий русоволосый человек и сам напоминающий скульптуру. Центром кресельной композиции служил столик с фруктами и вином на нём.

Скульптор и режиссёр сидели, а Фёдор Львович неторопливо прохаживался по веранде, жестикулируя рукой, в которой держал большую, но пустую, курительную трубку. Одет он был в длиннополый банный халат, пижамные брюки и кожаные остроносые тапки. Его обличие отсылало к образам Санты и старика Хоттабыча. Рассуждали о природе искусств.

– ...Искусство искусству рознь, – назидательно вещал коллегам маститый писатель, – Вот взять меня, литературу.

У меня больше всего возможностей изобразить что угодно с помощью такого универсального материала, как слово. И переживания героя, оттенки и нюансы его чувств и мыслей, характер, его поступки, события и внешний мир – интерьеры и пейзажи, и всё-всё. Один внут-

ренный монолог – и вся подноготная персонажа вскрыта. Одно словечко изменю – и вот, наш герой уже сидит в луже.

Второе по возможностям искусство – это, конечно, – Фелиний Германович, то есть кино. Согласен, Фея?

– Почему второе-то? Я, как режиссёр, тоже могу... – начал мастер кино.

Фёдор Львович тут же выставил ладонь в направлении Фелиния и помог ему развить мысль:

– Как режиссёр ты также можешь донести до зрителя всё, что пожелаешь. Ты почти не ограничен. Говорю «почти», потому, мой друг, что твой материал – это актёры, обыкновенные люди. Живой, так сказать, материал. Послушный, не спорю, при надлежащем обращении с ними опытного режиссёра...

Приостановившись, он с некоторой усмешкой посмотрел на Фелиния Германовича. Тот в стеснении оглянулся по сторонам, и попытался что-то сказать на правах участника культурной дискуссии.

Но Фёдор Львович вежливо, но твёрдо, словно опытный наставник, продолжил:

– Но – живой! Тело, организм, личная жизнь, всё такое. То есть за пределами съёмок – они уже не твои! Гуляют сами по себе. Досадно, но факт! А потом гонорар ему ещё заплати. Это персонажу-то, никогда этого не мог понять...

Весьма велик элемент стихии и непредсказуемости: то он заболит, то напьётся, то не в настроении... Трудно, трудно заставить его забыть, что он, в некотором роде, живой человек, заставить его... впечататься, войти в свою роль с потрохами. Спасибо великому старику Станиславскому. Но бывают и крайне привередливые актёришки. С такими буратиными никакой Карабас-барабас не справится... Таким сразу отказывать надо.

И, наконец, возьмём искусство ваения, скульптуру.

Лектор остановился перед скульптором, застыл, и в молчании уставился на него немигающими мутно-голубыми глазами. Родион Эргонович, чуть улыбаясь, поднял голову, спокойно выдержал взгляд.

– Воля твоя, Родион Эргонович, – наконец продолжил излагать учение оратор, – но изобразить в камне или глине, к примеру, любовь можно только в виде страстно обнимающейся голый парочки. Мало! Мало изобразительных средств! Неуклюжий, негибкий материал. Тяжёлый, весит много, грузчики, краны подъёмные, – ведь сама скульптура не побежит, хе-хе... Ну как ты сможешь изобразить весёлое щебетанье птиц восхитительным летним утром?

Он сделал следующую паузу, дабы облегчить коллегам усвоение излагаемого, обошёл скульптора полукругом, не сводя с него глаз, как будто примериваясь каким способом того поднять и переместить куда-то, и продолжил:

– Хотя, да, монумент долго хранится, впечатляет основательной тяжестью и всегда перед глазами. Именно в этом – главная ценность твоей работы, Эргон. И я сам, честно говоря, был бы не против воплотиться в виде каменного памятника на городской площади. Стоя, в костюме, или сидя в красивом кресле. После смерти, разумеется. Пусть потомки не только читают в школьной программе, но и смотрят, и помнят каждый день! Вот здесь без тебя не обойтись.

Родион Эргонович ловко уловил самый момент окончания фразы писателя и тут же в тон писателю зазвучал собственной речью:

– Но давайте возьмём другой критерий, о котором вы упоминали выше, уважаемый Фёдор Львович. А именно, точность воплощения замысла, послушность, так сказать, материала воле создателя. Вот тут вы с Фелинием весьма мне проигрываете. Из-за своей гибкости и сложности ваш материал порой обретает свою самостоятельную волю, расплывается, не укладывается в замысел, а порой и прямо противоречит воли творца. Это не позволительно. Иногда он даже может стать подобием человека и убежать на улицу, хе-хе.

Фёдор Львович опустил глаза, недовольно поморщился, отвернулся от скульптора, подошёл к окну и посмотрел на улицу.

– И это смешно и печально! Рукой подать до какой-то скверной комедии, когда руководимый управляет руководителем..., – продолжил ваятель, – А вот камень – самый послушный материал. Не вы ли говорили недавно, что у вас какой-то там персонаж непростительно взбунтовался в романе, и как вам трудно найти на него управу? Да и актёр может пойти против воли режиссёра: высокогато, говорит, не буду ходить по карнизу пятого этажа. А вот опять же камень так не забалуёт... Посажу каменного генерала на каменный стул и будет сто лет сидеть, как миленький!

Фёдор Львович, явно не желая слушать далее, обыденно сказал:

– Вчера на Ленина гусиную печёнку купил. М-м-м... Сейчас принесу.

И ушёл в дом.

Глава 2. Пробуждение, жизнь, свобода

Егор, молодой мужчина тридцати лет, обыкновенной внешности, с несколько бледным, словно припудренным лицом, проснулся рано утром на скамье городского парка. Первое, что он ощутил – это тупая головная боль и пронизывающий холод утреннего тумана. Он посмотрел на сырую скамейку, серый асфальт парковой дорожки, окружающие его мокрые деревья.

«Господи, где это я, и что со мной вчера произошло?». Дрожащей рукой он пошарил по карманам, достал пачку сигарет, закурил и задумался. Постепенно стала возвращаться память, выдавая картины, словно эпизоды документального фильма.

Сначала почему-то всплыл чёрный экран с рукописным и неразборчивым текстом на нём. Затем Егор увидел себя в зале какого-то ресторана, сидящего за столом, уставленным тарелками с едой и бутылками. Вокруг большого стола сидели также какие-то знакомые люди одного с Егором возраста, выпивали, закусывали, говорили друг с другом и смеялись. Праздничная ресторанная атмосфера, вино и музыка, знакомые люди вокруг.

«Да, вчера отмечали пятилетие выпуска нашей институтской группы. А вот как ушёл из ресторана не помню, явно перебрал, и, видимо, не смог дойти до дома. Зачем же так напился, дурак... Юля, поди, там ждёт, извелась, не знает, что думать. Свинтус всё-таки я».

Егор похлопал себя по груди и достал из внутреннего кармана куртки мобильный, набрал номер жены.

– Юль, здравствуй, ты знаешь, получилось так...

– Здравствуй, Егор. Ты где? Ты уже реально существуешь?

– Ты о чём вообще? Ну, то есть, да, я спал, вот, проснулся и знаешь где? На скамейке в нашем парке, немного до дома не дошёл. В первый раз со мной такое, ты уж извини. Сейчас приду.

– Именно то, что ты проснулся, я и имела в виду. Да, видимо, хорошо отметили встречу. Ну, что ж, иди домой. Ты же знаешь, куда идти?

– Переборщил с выпивкой, всё-таки пять лет не виделись. Но сейчас-то я не настолько пьян, чтобы не знать, куда идти, что за вопрос?

– Ну, мало ли что... Я же волнуюсь о тебе. Ладно, жду.

Егор сунул телефон в карман, потёр ладонями лицо, встал и пошёл по направлению к дому.

– Проходи, Егор, – сказала Юля, открыв дверь.

Пока он снимал обувь и куртку, жена, не проронив ни слова, удивлённо смотрела на него широко открытыми глазами, как будто видела в первый раз.

– Дорогая, извини, так получилось: рюмка за рюмкой, до парка только и смог и дойти..., – начал было оправдываться незадачливый муж. Потом посмотрел на жену, – Странно, а где вопрос, обвинения? Ты уж поругай меня для порядка.

– Да ничего страшного, бывает, – сказала Юля, подошла к нему, провела ладонью по лицу, – Дак вот ты у нас какой...

– Уже тридцать лет такой. Юль, ну правда, всю ночь на скамейке... Перебрал, – встревоженный спокойствием жены, продолжал оправдываться Егор.

– Ладно, ладно, с кем не бывает. Иди, мойся и на кухню. Тебе поесть надо. Я котлеты приготовила, кофе налью. Мой ты герой...

– Очень вкусно, – говорил Егор за столом, поедая котлеты, – А ты помнишь Васю Ильина? – Он на Алле женился с твоей группы. У них уже двое детей, представляешь.

– Вася, Алла... Ну, как же не помню, конечно помню, – отвечала сидящая напротив Егора жена, – они давно дружили, ещё с младших курсов.

– Да ты что, забыла? Они только после института познакомились, – удивлённо сказал Егор, – Юль, пора бы и нам ребёночка, столько живём уже...

Юля долгим взглядом посмотрела на Егора.

– Не будет у нас детей...

– Это почему же..., – начал Егор, но жена уже вышла из кухни.

* * *

Прошло десять месяцев.

На конечной остановке микрорайона было немногочленно. Егор сидел в маршрутке, в кресле у окна, и задумчиво осматривал окружающий пейзаж. Рядом с Егором оставалось одно свободное место. До отправления машины было ещё около десяти минут.

По небольшой площади, окружённой клёнами, тополями и типовыми пятиэтажками, в потоках воздуха причудливо летали полиэтиленовый пакет и развёрнутый лист какой-то газеты. Пусто. Только на дальнем краю площади, возле пёстрого ларька, торгующего жвачкой и баночным пивом, старательно, от души плясал местный сумасшедший под звуки рок-музыки из динамиков этого торгового заведения.

Водитель посмотрел на часы, достал термос и налил кофе. Егор, ни о чём не думая, продолжал созерцать давно знакомые окрестности.

Из-за дома за площадью, по направлению к остановке, вышел старик, – в каком-то вельветовом полуфраке, крепкого телосложения, с тростью и живописной бородой, похожий на Санту Клауса, но с пронзительным и радикально реалистичным взглядом. «Какой-то творческий работник», – подумал Егор. Он неторопливо и с несколько театральным достоинством шёл по тропинке рядом с засыпанным крупным гравием будущим тротуаром.

Через несколько секунд после появления живописного старика из-за этого же дома выбежал высокий угловатый юноша в короткой куртке со студенческим рюкзачком на спине. Из головы парня торчали провода и уходили куда-то под куртку. «Типичный студент», – оценил Егор.

Бегун был решительно нацелен на маршрутку, как будто в ней заключалась вся цель его жизни, и там ждал какой-то приз. Похожий на страуса, он с силой и грохотом впечатывал свои большие кроссовки в гравий недостроенного тротуара.

Настигнув врасплох неподвижную машину, потный и глубоко дышащий студент ввалился в салон, плюхнулся на свободное место рядом с Егором, принес с собой какие-то ритмы из наушников. Затем порывистыми движениями вытащил и сосчитал монеты, заплатил за проезд и, наконец, успокоился, словно выполнил какие-то важные обязанности перед обществом.

Водитель, не торопясь, закончил с кофе, глянул на часы, вышел на воздух, достал сигарету, покурив, снова занял своё место. Воцарилась тишина, нарушаемая шумом музыки из наушников.

Тем временем, старик с тростью медленно дошёл до маршрутки, не торопясь поднялся в салон. Поскольку свободных мест не оказалось, присутствующие с некоторым укором посмотрели на студента.

– Молодой человек, уступите место пожилому, – сказала напротив сидящая пассажирка и похлопала парня по колену. Тот вопросительно поднял глаза и вынырнул из проводов.

– Место уступите, – повторила она, указывая пальцем на Санту.

Студент виновато вскочил и, придерживая протянутую руку старика, усадил его в кресло. Обнаружив лишнего пассажира, водитель обратился к студенту:

– Присядь, чтоб ГАИ не увидело.

Юноша присел на корточки рядом со стариком.

Тронулись. Егор отметил, что у него со студентом оказались одинаковые светло-жёлтые шарфы. «Значит, скоро выйдут из моды», – подумал он.

Когда уже подъезжали к комбинату, месту работы Егора, старик, сидящий рядом, неожиданно повернул голову и молча упёрся в Егора долгим немигающим взглядом, выражающим смесь укора, приказа и ожидания. Ощувив растерянность и какой-то страх, Егор поспешил отвернуться к окну. Маршрутка уже подъехала к зданию с вывеской «ООО Полиграфический комбинат «Дельта Плюс».

Выйдя из такси и сделав несколько шагов, Егор оглянулся. Через стекло на него по-прежнему смотрел старик застывшим хищным взглядом. Егору снова стало не по себе, на какое-то время его тело вдруг сковала безвольная неподвижность, и он остановился. «Ступор какой-то. Что это со мной? – не на шутку испугавшись, подумал он. Усилием воли, словно через плотную вату, он, наконец, двинулся к проходной, как вдруг услышал позади себя голос:

– А можно вас?

Обернувшись, Егор увидел того самого студента из маршрутки. Из-под лыжной шапочки до румяных щёк свисали пряди светло-русых волос, большие серые глаза. Парень подошёл ближе, замялся, смотря на Егора застенчиво-просительным взглядом.

– Да, – сказал Егор.

Парень криво улыбнулся, развёл руки:

– Нам бы познакомиться надо...

– В смысле, «надо»? Что вы хотели?

– Она вас очень любит, – стеснительно, но с некоторой настойчивостью, произнёс юноша, – и вы её очень любите. А я её тоже люблю, поэтому нам надо во всём этом разобраться. Я вот должен завтра, в шесть вечера, с Инского моста прыгнуть...

Он показал рукой, где находится мост.

– Я её очень ревную к вам, – продолжал студент уже ровнее и уверенней, но как-то механистически и торопясь, – но в силу хорошего воспитания, высоких моральных качеств и неких романтических представлений о реальной жизни, во мне борются два начала. И внутренний душевный конфликт закономерно проявляется в моих поступках и отношениях с другими людьми...

– Чего ты несёшь вообще? – прервал его Егор, – Бредишь, или так, прикалываешься? Отвали, понял?

– Ну, как же, ты не должен... Его замысел, не надо... Мы же с тобой... оба любим её..., – забормотал парень, теребя синий шарфик.

Странные слова школяра почему-то вывели Егора из себя.

– Давай, до свиданья, юморист! – Егор отвернулся от странного юноши и пошёл к проходной. Студент, просительно протянув руку вслед за Егором, сделал несколько шагов и остановился.

* * *

Войдя в проходную, Егор поздоровался с вахтёром и, прежде чем пройти в цех, оглянулся: на тротуаре неподвижно, словно статуя, стоял студент с протянутой рукой и жалобно смотрел на него.

Переодевшись в спецовку, Егор вошёл в печатный цех. За четырьмя офсетными машинами, в углу, за столиком, окружённым, словно крепостной стеной, штабелями печатной продукции, его уже ждали Дёма с Колей – два печатника предыдущей смены. Глянув на Егора, Дёма спросил:

– Ты что, не в настроении? Хмурый какой-то, озабоченный...

Егор махнул рукой:

– Да, сейчас у проходной какой-то тип странный подкатил. Ты, говорит, любишь бабу какую-то, я не понял, и я, мол, её тоже люблю, там, ревную, надо разобраться... Первый раз его вижу, бред какой-то...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.